

Глава 1.4

К этому времени над улицами Вудвилля стемнело. Пришло время возвращаться в убежище. Луис бросился бежать в панике, его ноги подкашивались от дрожи. И лишь отбежав достаточно далеко, он позволил себе выдохнуть.

«Хах...Если бы не он, у меня были бы проблемы...»

Если бы граф не появился, Луи мог бы оказаться в ужасной ситуации. Страх и дрожь не покидали его, и он не мог избавиться от отвратительных воспоминаний.

«Он, наверное, не собирался мне помогать, но всё же...!»

Хотя он уже не чувствовал запаха и отошёл довольно далеко, мысли Луиса всё ещё были заняты Эллиотом. Он впервые встретил кого-то настолько красивого и внушительного, что его сердце продолжало бешено биться.

Неосознанно Луис прижал к лицу плащ, который всё ещё сжимал в руках. Слабый, но узнаваемый аромат — смесь морозного воздуха, дорогого мыла и чего-то неуловимого — коснулся его ноздрей. Он вздрогнул, и по щекам разлился горячий румянец.

«Так не пойдет. Это же... дорогая вещь».

Луис знал, что, принеся в свой приют такие предметы роскоши, он лишь позволит Берку забрать их. Он направился к заброшенному складу неподалеку от своего приюта. Это было секретное место, о котором Бен рассказывал ему, когда Луис впервые приехал в город.

Он отодвинул отставшую половицу, открыв небольшой деревянный ящик. Здесь он хранил то небольшое, что не должно было достаться Берку. Аккуратно, почти благоговейно, Луис стряхнул с плаща уличную пыль, сложил его и положил рядом с единственной своей ценностью — потёртым фамильным крестом матери.

«Вряд ли мы еще встретимся... но я надеюсь, что когда-нибудь смогу его вернуть».

Кончики пальцев Луиса легонько коснулись ткани. На внутреннем краю подкладки тонкой серебряной нитью было вышито имя владельца: Эллиот Сеймур Гладстон. Луис беззвучно повторил его про себя.

Он понимал, что действия графа, скорее всего, были вызваны его презрением к неопрятному виду Луиса, а не искренней добротой, но даже этот недобрый поступок казался Луису на удивление дорогим.

Это был долгий, изнурительный день. Но на этом его беды не закончились. Подойдя к приюту, Луис в страхе замедлил шаг, и этого оказалось достаточно. Из тени выступил Берк, его грубая ладонь сразу протянулась в немом, привычном требовании. Луис покачал головой.

— Сегодня у меня ничего не... Ахх!

Не успел он договорить, как удар тяжёлым ботинком в грудь, выбив воздух, отбросил Луиса назад. Он споткнулся и едва удержался на ногах, пока Берк надвигался на него.

— Что?! Ты приползаешь в такое позднее время и к тому же с пустыми руками?

— Уф... простите... — выдохнул Луис, сжимаясь от боли в груди.

— Тебе скоро двадцать, — голос Берка стал скользким и ядовитым. — Как долго ты собираешься сидеть на моей шее? Уж не ждёшь ли, пока твоя цена на рынке не упадёт совсем? Если так, то иди продай свое тело! Чего ты ещё ждёшь, премии за скромность?

Хотя многие дети часто возвращались без гроша день-два, Берк редко впадал в такую ярость. Казалось, он намеренно решил загнать Луиса в угол, чтобы тот сломался и отправить его в бордель. Когда Луис рухнул на землю, Бен шагнул вперёд, пытаясь прикрыть его собой.

— Мистер Берк, он ни в чём не виноват! Это я деньги потерял, а он пытался мне помочь... Ай!

— Вы что, сговорились меня разыгрывать? — голос Берка стал тише, но от этого только страшнее. — Сегодня вы оба умрете.

Ситуация и без того была накалена, а вмешательство Бена стало последней каплей. Ярость Берка перешла все границы. Никто из остальных обитателей приюта даже не пошевелился, чтобы остановить его. Удары сыпались на Луиса и Бена до тех пор, пока они не потеряли сознание.

Вскоре Луис пришёл в себя, но Бен так и остался лежать. Он лежал неподвижно несколько часов, время от времени приходя в себя, но не в силах подняться. Луи опасался, что Бен может не пережить предстоящую зиму, как и предсказывали дети.

Спустя четыре дня после этого инцидента Луиса неожиданно позвали в каморку Берка. Там тот выдвинул предложение, от которого у Луиса перехватило дыхание.

— Что?.. — прошептал он, не веря своим ушам. — Вы хотите, чтобы я... отправился в особняк графа?

Луис, ошеломлённый, широко раскрыл глаза. Берк, сидящий за столом, коротко подтвердил:

— Да, дурак. Я говорю об особняке графа Гладстона.

— Зачем... зачем мне туда идти?..

— Тебе выпал шанс, — Берк мерзко ухмыльнулся и в его глазах вспыхнул холодный, расчетливый блеск, — Оказывается, они набирают новых слуг, примерно твоего возраста. Но что ещё важнее... говорят, граф лично тебе... помог? Если случилось что-то настолько важное, ты должен был немедленно сообщить мне об этом, не так ли?

— Как вы вообще об этом узнали? — вырвалось у Луиса, и в его голосе прозвучало неподдельное потрясение.

— Ты что, думаешь, я глухой? — Берк фыркнул, развалившись на стуле. — Портной не замолкает ни на день, а весь район только об этом и трещит.

Луис молчал, сжав губы.

— Видать, ты очень его «развеселил», коли такой, как он, со своим крутым нравом, удостоил тебя вниманием.

Луис покраснел. Он на мгновение вспомнил момент, когда граф передал ему плащ, и подумал, не скрывается ли за этим какой-то тайный замысел. Однако он быстро отбросил эти мысли.

Такой аристократ, как граф, не стал бы даже смотреть в его сторону без причины.

— Это не так... — тихо пробормотал он.

Сердце, вопреки всему, ёкнуло.

— Хитрый ты, тварь, — голос Берка стал ядовитым. — Передо мной корчишь из себя недотрогу, а перед каким-нибудь высокомерным аристократом готов на колени упасть?

— Нет! Я этого не делал! Даже если граф и проявил... какую-то милость, разве я мог... — Луис запнулся, — Он же видел, что я чистильщик. У меня даже сумка с щётками.

Работа слугой в знатной семье считалась лучшей работой, на которую мог рассчитывать простолюдин. Более того, человек такого положения, как граф, вряд ли бы взял кого-то совсем без опыта.

— Это как рекомендация, — Берк махнул рукой. — Нужно её лишь слегка... подкрасить. Скажешь, что чистил обувь уже после того, как поработал слугой в каком-нибудь другом доме. Или что-нибудь в этом роде.

— Это же безумие...

Луис смотрел на него с отчаянием и недоверием, но Берк лишь самодовольно усмехался, будто уже держал в руках ключи от богатства.

— А теперь самое главное. Слушай внимательно. — Берк понизил голос, и в его глазах вспыхнул знакомый, жадный блеск. — Ты, конечно, слышал о сокровищах леди Дианы.

Вряд ли в стране нашёлся бы человек, не слышавший этой легенды. Леди Диана, потомок основателя империи Филипа Стэнфилда, была той самой загадочной возлюбленной, ради которой император, как говорили, был готов на всё. Народная молва твердила, что умирая, Филип оставил ей самое ценное — легендарную фамильную реликвию.

Слухи о том, что леди Диана после исчезновения жила неподалёку от Вудвилля, годами подпитывали жадное любопытство горожан. Берк годами мечтал завладеть этим сокровищем.

— А слышал ты, — его голос стал приглушённым, — что граф Гладстон, якобы, единственный, кто знает, где это сокровище сокрыто?

Луис неохотно кивнул. Об этом твердили на каждом углу, и мимо таких разговоров было не пройти. Глаза Берка вспыхнули лихорадочным блеском.

— Звучит как бред, да? Но в каждой сказке есть доля правды. — Он наклонился ближе, неприятно запахло потом и дешёвым табаком, — Говорят, когда Филип Стэнфилд умирал на южной границе, юный граф Гладстон, ещё мальчишка, как раз находился в тех краях. Так что, Луис, тебе нужно будет...

Луис, поняв, к чему клонит Берк, побледнел.

— Вы... вы не можете быть серьёзны...

— Я как никогда серьёзен, мальчик. — Берк ударил костяшками пальцев по столу. — Ты проникнешь в особняк. Будешь служить, смотреть в оба. И найдёшь любую зацепку, любую

бумажку, любую шепотку об этом сокровище. Справишься?

— Такой, как я... как я могу его обмануть? — голос Луиса дрогнул, — Он сразу раскусит любую ложь!

— Я не прошу тебя врать в лоб. — Берк отмахнулся, и в его ухмылке появилось что-то мерзкое, понимающее. — Я говорю... прояви усердие. Используй то, что дано. Может, твоя... мордашка вызовет у него снисхождение?

— Нет. — Луис отшатнулся, будто от удара. — Я не хочу. Я не смогу такого сделать.

Мысль о том, чтобы использовать странный и холодный, но всё же человеческий жест, который он получил от графа, как лазейку для воровства и предательства, вызывала у Луиса тошноту.

В ответ на решительный отказ Луиса лицо Берка, до этого расплывавшееся в ухмылке, исказилось. Он с силой швырнул на пол тяжелую стеклянную пепельницу, стоявшую на столе. Громкий звон разбитого стекла оглушительно прозвучал в маленькой комнатухе.

— Неблагодарная мразь! — прошипел он, и слюна брызнула из уголка его рта. — Ты хоть представляешь, сколько денег я потратил на оплату медицинских счетов и похорон твоей матери? Кровные деньги! Я тебя кормил, поил и крышу над головой давал все эти годы! Будь у тебя хоть капля совести, ты бы думал, как отблагодарить меня за всё это!

Луис вспомнил тот день, когда впервые услышал такие резкие слова от Берка и они заставили его плакать. Это был день, когда тринадцатилетним мальчишкой он привёз в этот чужой город свою умирающую мать.

Сейчас же, после бесчисленных повторений, они звучали как заезженная, грязная пластинка. Даже когда осколки пепельницы просвистели у самого виска, он не дрогнул. В его глазах, наоборот, вспыхнул редкий для него огонь.

— Я тоже не дурак, мистер Берк, — голос его звучал твёрдо. — Шесть лет я чищу обувь на улицах именно из-за того долга, о котором вы твердите. Я хорошо помню, сколько заработал за это время.

— Что...? Ты наглый...

— Врачи и похороны, говорите? — Луис не отводил взгляда. — А был ли тот человек, что приходил тогда, настоящим врачом? Если похороны были проведены должным образом, почему они даже не сказали нам, где находится кладбище?

В ответ на вопросы Луиса, на лице Берка на мгновение появилось недоумение. Втайне он недолюбливал Луиса, который нелегко отступал. Однако у него были и другие уловки. Гнев на его лице сменился знакомой, скользкой ухмылкой. Он махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Луис, зачем копаться в старом? О чём говорить-то? Важно будущее.

— Будущее? — с горечью переспросил Луис.

— Я говорю о Бене. О твоём дружке.

Луи, кипящий от гнева, внезапно замолчал. Берк, почувствовав, что попал в самую больную

точку, самодовольно развалился в кресле.

— Он ведь совсем плох, да? — его голос стал притворно-сочувствующим, — Для меня это чистый убыток. Лекарства, уход... Всё это стоит денег, и немалых. А ведь можно и не тратиться...

Его бесстыдные слова вызвали у Луиса дрожь по спине. Говорить так о страдающем ребенке — это отвратительно.

— Я же вижу, как ты о нём печёшься, согласишься на дело с графом — и я ему особый уход обеспечу. Куплю лекарства и позабочусь о том, чтобы он мог отдохнуть, пока не поправится.

Слова его были пусты и фальшивы,. Но одно было ясно: отказ Луиса будет означать изгнание. И для Бена тоже.

Сегодня утром Бену все еще было трудно дышать, его дыхание было слабым и хриплым. Если они потеряют нынешнее убежище, его жизнь может оказаться в опасности.

— Ну что, не нравится? — Берк, уловив его колебание, вонзил в эту трещину новый клин. — Может, сам смотаешься в переулки, наберёшь на лекарство? Или подождёшь, пока он сам на ноги встанет?

Для Луиса, у которого за душой не было ничего, кроме страха и долга, подчинение Берку казалось единственной соломинкой, за которую мог ухватиться Бен. На фоне борделя работа у графа — даже пусть и с тайным умыслом — выглядела почти что спасением.

«Смогу ли я это сделать? Не могу поверить, что буду работать на него...»

Мысль о ледяном взгляде Эллиота вызвала у него дрожь, но перспектива увидеть человека, которого, как он думал, больше никогда не увидит, вселяла проблеск надежды. Луис сделал глубокий, прерывистый вдох, собрал в кулак всю свою волю и поднял голову. Взгляд его был твёрд, в глубине глаз плавала горькая решимость.

— Хорошо. Я сделаю это. Но вы... вы должны сдержать слово.

И так, с тяжёлым сердцем и странной, щемящей тревогой внутри, Луис был отправлен в особняк графа.

<http://bllate.org/book/15007/1337831>